

УДК 159.955.4–047.46:165.194:81'373.612.2«198/201»

Е. А. Московая
аспирант кафедры культурологии философского факультета
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕТАФОРЫ ДЖ. ЛАКОФФА И М. ДЖОНСОНА НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

Сегодня можно говорить об очевидном доминировании когнитивного подхода в современной метафорологии. Этому во многом способствовала теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, основной посыл которой состоял в представлении метафоры как феномена, охватывающего не только язык, но и мышление, действие, культуру. Для авторов метафора – особое «чувство», которое необходимо поставить в один ряд со зрением, осязанием и слухом, она становится особым способом восприятия и осознания в опыте существующей действительности [4].

Во время исследования истории развития метафорологии несомненный интерес вызывает своеобразная среда, возникшая вокруг произведения Дж. Лакоффа и М. Джонсона на постсоветском пространстве.

Эту среду ярко представляет Уральская школа политической метафорологии во главе с А. Чудиновым [7].

Целью статьи является прояснение рефлексий постсоветских авторов по поводу когнитивной модели метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В этой связи в зону анализа были привлечены работы представителей *Уральской школы политической метафорологии* [2; 3; 6], а также работы, исследующие историю развития когнитивной лингвистики как самостоятельного направления [5].

О влиянии теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона на постсоветских авторов. Рассмотрим особенности интерпретации теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона постсоветскими авторами. Для достижения этой цели обратимся к ряду источников, наиболее цитируемых среди исследователей метафор.

По нашему мнению, внимание привлекают, в первую очередь, три следующих источника. Это монография А. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» (2001 г.), ставшая своего рода антологией и наглядно иллюстрирующая разработки российских авторов в области политической метафорологии. Необходимо также упомянуть две совместные работы Э. Будаева и А. Чудинова, а именно: «Метафора в политическом интердискурсе» (2006 г.) и «Метафора в политической коммуникации» (2008 г.). Двум вышеупомянутым книгам предшествовало большое количество статей в различных журналах, и можно сделать вывод о формировании в определенном роде уникальной исследовательской среды, созданной А. Чудиновым. Сегодня Уральская школа политической метафорологии – тот проект, который не только обладает собственными оригинальными работами в вопросах исследования политических метафор, но и выступает в качестве своеобразного «сборника рецептов» на книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7].

Мы не беремся утверждать, что данный список источников является полным и единственно возможным, скорее, именно ряд этих работ, в особенности «Россия в метафорическом зеркале...», стали своего рода «хэблайнерами» огромного количества публикаций, докладов, тезисов, представленных на многочисленных конференциях.

Обратимся к выделенным источникам более подробно. Вышеупомянутая «Россия в метафорическом зеркале...» видится в роли своеобразной антологии, о чем уже было упомянуто выше. Особо ценен, на наш взгляд, первый раздел монографии под названием «Теоретические основы исследования современной российской политической метафоры». Именно в нем представлены имена авторов, которые внесли вклад в развитие постсоветской политической метафорологии. Сам А. Чудинов характеризует эту монографию как посвящение «исследованию закономерностей метафориче-

ского моделирования действительности в современном политическом дискурсе России, то есть, несколько перефразируя Н. Арутюнову, изучению метафорических моделей, погруженных в политическую жизнь России конца XX в.» [6, с. 7]. Автор ставит своей целью увидеть «образ родной страны, отраженный в метафорическом зеркале, где вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий достаточно объективно фиксируется подлинная картина национального самосознания, где отражаются как традиционные черты народной ментальности, так и все новое, что принесит эпоха наших революционных преобразований» [6, с. 7].

В монографии отмечается, что исследование метафоры сегодня должно восприниматься как важное направление внутри когнитивной лингвистики. А. Чудинов уже во введении формулирует тезис о том, что восприятие феномена метафоры в ключе когнитивных исследований – особое, отстоявшееся своеобразие направления. Его представители отказываются от традиционных воззрений на метафору, идущих от Аристотеля, где ей отведена роль украшения той или иной речи и она находится в положении «сокращенного сравнения» [6, с. 8]. Когнитивная лингвистика также отказывается от взгляда на метафору в ключе генеративистики (Н. Хомский), в которой метафора представлена в виде взаимодействия двух базисных структур. Не разделяются взгляды и структуралистов, сосредоточенных исключительно на языковых закономерностях метафоризации. В современной когнитивистике, отмечает А. Чудинов, рассматривают метафору «как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [6, с. 8]. В рассматриваемой монографии предпринимается попытка структурирования существующих достижений когнитивной теории метафоры и раскрытие особенностей *теории регулярной многозадачности*, ориентированной на «исследование системности вторичных значений у семантически близких слов, а также типов и специфики функционирования моделей, по которым создаются параллельные вторичные значения» [6, с. 8].

Следующий источник – коллективная монография Э. Будаева и А. Чудинова «Метафора в политическом интердискурсе» (2006 г.) обнаруживает еще одну важную отправную точку в становлении постсоветской политической метафорологии. Значительным стимулом для метафорологических исследований оказалась интернет-публикация Дж. Лакоффа 1991 г. “Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf”, в которой автор демонстрирует методологию изучения концептуальных политических метафор, при этом важным этапом анализа оказывается детальное сопоставление метафорических «схватываний» того или иного события, отраженного в политических дискурсах разных культур. Представляется, что эта работа, наряду с «Метафорами, которыми мы живем», стала предвестником формирования нового этапа исследований политической метафоры.

«Метафора в политическом интердискурсе» исследует основные вехи развития советской и постсоветской политической лингвистики, метафорологии. Обращаясь к советской эпохе, авторы выделили *три* основных периода.

Первый из них приходится на 20-е и 30-е гг. В этот период благодаря группе исследователей (Г. Винокур, П. Черных, Р. Якобсон, Е. Поливанов и др.) были проанализированы преобразования русского литературного языка

ка, политической лексики, свершившиеся после 1917 г. Ученые пришли к выводу о том, что произошедшие изменения повлекли за собой широкое использование аббревиатур и диалектизмов. Было зафиксировано своеобразное «смешивание» официально-деловой речи и просторечия, стремление к переменам в эмоциональной окраске многих слов. Политические лидеры исследуемого периода целенаправленно использовали так называемое стремление к «народности», что влекло за собой изменение коммуникативного идеала, перенималось населением, и, как следствие, происходило снижение общего уровня речевой культуры [2].

Второй период охватывает 30-е и 40-е гг., прошедшие под влиянием Николая Яковлевича Марра, создателя «нового учения о языке» или «яфетической теории». В рамках этой теории разрабатывался тезис о классовой природе языка. Язык рассматривался как своеобразная «надстройка» над базисом – существующими социально-экономическими отношениями [2].

Общий лейтмотив периода характеризуется Э. Будаевым и А. Чудиновым как такой, в котором проходит четкая линия демаркации между «языком трудящихся» и «языком эксплуататоров», осуществляется попытка определения этих языков как двух самостоятельных систем внутри национального языка. Среди других исследовательских направлений выделяется анализ факторов успеха речевого воздействия на массовую аудиторию с последующими историко-лингвистическими исследованиями речей ведущих советских политических деятелей, например, В. Ленина и И. Сталина. Важную роль играет отмеченная выше «народность» их речи в случае обращения к широкому массам населения, а также высокое ораторское мастерство, необходимое и оттачиваемое в процессе проведения внутривластных дискуссий [2].

Третий период исследователи обозначают 50-ми – 80-ми гг.

Этот период охватывает целый комплекс тем внутри советского политического языка и освящается посредством публикаций по теории и практике ораторского искусства (В. Одинцов, Г. Апресян и др.), анализу деятельности средств массовой коммуникации (В. Костомаров, Д. Розенталь и др.) в работах, направленных на изучение агитационных и пропагандистских механизмов [2].

Вопросы и проблемы политической лингвистики занимают видное место в исследованиях развития русского языка в послереволюционный период, отмечается ряд важных привнесений в лексико-фразеологический фонд и стилистическую дифференциацию (С. Капралова, П. Денисов и др.).

В рамках характеристики советского периода политической лингвистики Э. Будаев и А. Чудинов акцентируют внимание на том, что «в советскую эпоху едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по проблемам политической речи было изначально скомпрометировано» [2, с. 26]. Из-за цензуры можно было лишь занять позицию наблюдателя и давать «советы» агитаторам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации, а также проводить критический анализ языка «буржуазной» прессы» [2, с. 26].

Что же касается современного этапа развития политической лингвистики, то Э. Будаев и А. Чудинов дают ему следующую характеристику. Авторы отмечают, что «методики критического дискурс-анализа и контент-анализа политической коммуникации не получили в нашей стране широкого распространения. Значительно чаще в отечественной лингвистике используются лингвокогнитивные методики изучения политического дискурса» [2, с. 29]. Понятно, что под выражениями «наша страна», «отечественная лингвистика» имеется в виду российская ситуация. Исходя из этого и возникает особый исследовательский интерес по поводу того, как именно теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона повлияла на российскую политическую метафорологию. К приверженцам теории американских авто-

ров необходимо отнести уже упоминавшихся А. Чудинова, А. Баранова, Ю. Караулова и многих других.

В качестве ответа на вопрос о широкой популярности когнитивной теории метафоры на постсоветском пространстве находим следующее замечание: «Столь значительную популярность идей Дж. Лакоффа в России можно объяснить прежде всего тем, что его методика в определенной степени соответствует традициям отечественной лингвистики и во многом «перекликается» с традиционной для России теорией регулярной многозначности» [2, с. 29].

Сам по себе феномен многозначности относится к ряду одной из наиболее популярных тем когнитивной лингвистики. Говоря об особенностях многозначности как таковой, находим следующую характеристику: «Одним из условий многозначности является наличие связи каждого из значений хотя бы с одним другим значением. Существование общей части у значений многозначного слова является обязательным условием удачного поиска его содержательного ядра» [1, с. 18]. В рамках исследования многозначности особое внимание уделяется ее возможностям: «многозначность является эффективным средством передачи бесконечного многообразия мыслей и чувств человека» [1, с. 22].

Еще один важный источник в ряду наиболее значимых текстов, посвященных политической метафорологии, – «Метафора в политической коммуникации» (2008 г.), подготовленный Э. Будаевым и А. Чудиновым.

В рамках данного исследования наиболее интересным кажется утверждение о сложившихся мировых центрах изучения политической метафорологии. Их выделяется три: *Североамериканский, Восточноевропейский (или постсоветский), Европейский*. У каждого из указанных центров своя сфера интересов. Отличительные черты соответствующих исследовательских стратегий авторы характеризуют следующим образом.

Для *Североамериканского объединения* характерен интерес к политическим метафорам внутри институционального дискурса, при этом важную роль играют тексты известных политических лидеров. Одновременно большим влиянием обладает *критический метод* анализа дискурса, изучение политических метафор в личном дискурсе. Американские исследователи, как правило, находят строго в рамках американского политического дискурса и мало обращают внимание на политические дискурсы других стран [3].

Восточноевропейское объединение сосредоточено на применении *дескриптивных методик* анализа метафор, а не на использовании критического анализа. В отличие от Североамериканского направления акцент делается не на изучении институционального поля политического дискурса, а на анализе его медийной составляющей. Характерно сопоставительное изучение метафор и стремление к выявлению семантических и когнитивных сфер – источников метафорической экспансии.

Европейское объединение во многом соединяет в себе черты двух обозначенных уже направлений с учетом акцента на изучении особенностей проявления и функционирования метафор в рамках различных национальных дискурсов и сосредоточении на анализе специфики сфер – мишеней метафорической экспансии [3].

Э. Будаев и А. Чудинов отмечают, что на основе описанных направлений в рамках изучения современной политической метафоры можно констатировать сформировавшийся *глобальный интердискурс* со множеством однотипных метафорических моделей, которые способствуют сближению различных картин мира и «форм категоризации и концептуализации политической реальности» [3].

Т. Скребцова о природе когнитивной лингвистики. Как было отмечено ранее, при изучении современной политической метафорологии значительный интерес представляет исследование Т. Скребцовой, посвященное ведам и особенностям развития когнитивной лингвистики в целом. Данное исследование представлено в монографии под названием «Американская школа когнитивной лингвистики» (2000 г.).

Автор фокусируется на таких именах, как Р. Лангакер, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Миллер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Дж. Лакофф и М. Джонсон. В рамках данной статьи нас, в первую очередь, будет интересовать вклад в теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Для того, чтобы совершить переход к рассмотрению особенностей их взгляда на когнитивный потенциал метафоры, Т. Скребцова посвящает главу своей монографии основным положениям когнитивной лингвистики. С помощью этой главы перед читателями открывается панорамная перспектива этого исследовательского направления.

Когнитивная лингвистика сосредоточена на структурах языка, направленных на организацию, обработку, усвоение и хранение знаний об окружающем мире. Одной из отличительных черт когнитивной лингвистики (далее – КЛ) выступает ярко выраженная направленность к *междисциплинарности* и привлечение данных из таких областей, как психология, нейрофизиология, философия, логика, антропология и теория искусственного интеллекта. Исходя из сложившейся междисциплинарной ситуации, в рамках КЛ было сформировано так называемое когнитивное обязательство (*cognitive commitment*) авторства Дж. Лакоффа, которое гласит: «Объяснение и описание тех или иных языковых фактов, с точки зрения КЛ, должно согласовываться с эмпирическими данными других наук» [5, с. 5].

Что находится в сфере основных интересов когнитивного подхода?

Во-первых, акцентируется внимание на лингвистических фактах и их взаимосвязях с понятийной системой человека, ее организацией. В этой связи языковые структуры представляются посредством накопленного опыта взаимодействия с окружающей средой, также учитываются культурные, коммуникативные и психологические факторы.

С точки зрения последователей КЛ, лингвистический анализ должен включать в себя два взаимосвязанных этапа: детальное рассмотрение языкового поведения и выявление психических процессов, влияющих на него. В рамках описываемого анализа должны производиться операции по выявлению и дальнейшей трактовке базисных внутренних когнитивных структур, характерных для говорящего и слушающего, учитывается также динамика речи. Когнитивная лингвистика – это особое направление когнитивных наук. В отличие от когнитивной психологии, сосредоточенной на изучении строения мозга, целью КЛ является выявление основ его концептуального содержания: «Что люди знают о себе и о мире, откуда они знают то, что они знают, и как организовано это знание – вот центральные вопросы, которые ставит КЛ и ответы на которые она ищет в анализе языковых фактов» [5, с. 6].

Когнитивная лингвистика, во-вторых, – это неоднородное явление, и в его границах сложно зафиксировать всех сторонников, но сегодня уже сформирован своеобразный «костяк» из имен, упомянутых выше. При этом определенной сложностью является выявление и фиксация основных положений КЛ. Исследовательница выделяет восемь принципов когнитивной лингвистики, которые в самом общем виде сводятся к следующему:

а) знание языка должно рассматриваться как неотъемлемая часть человеческого знания, а не как автономный его модуль;

б) языковая способность должна быть обусловлена психической организацией человека, отсюда язык не может быть представлен посредством алгоритмического описания в качестве ряда элементов и взаимосвязи между ними, таким образом, он [язык] связан с биологией, а не с математикой или логикой (по Р. Лангакеру);

с) язык – это единый организм, а не ряд автономных элементов и уровней;

д) языковое значение представлено как часть понятийной человеческой системы и является основным предметом когнитивной лингвистики; в рамках этого принципа *значение слова* определяется «не референцией и исти-

ной как соответствием символа объекту внешнего мира <...> а особенностями концептуализации мира человеком, которые, в свою очередь, обусловлены опытом его физического взаимодействия со средой (перцепцией, двигательной активностью) и способностью к образному мышлению» [5, с. 10]; *значение высказывания* должно быть определено не посредством его истинности, а способом так называемого ментального конструирования отдельно взятой ситуации говорящим;

е) следует отказаться от принятого «списочного» и «инвариантного» подходов к вопросу о полисемии;

ф) образные средства языка – это источник сведений об организации мышления;

г) невозможно разделить языковую (словарную) и энциклопедическую информацию, так как языковое знание по своей сути неавтономно, также невозможно разделить семантику и прагматику;

h) необходимо проводить субъективизацию лингвистических исследований, учитывая культурные и социальные факторы, а также опыт индивидов и социальных групп [5, с. 10].

Достаточно очевидно, что приведенные восемь принципов не являются полностью исчерпывающими и в своей совокупности требуют более серьезного обсуждения, но, тем не менее, они позволяют зафиксировать особенности анализа, осуществляемого в рамках когнитивной лингвистики. При этом понятным оказывается то, что проведение анализа любой когнитивной модели, в том числе – *когнитивной модели метафоры*, едва ли является возможным вне учета наработок, накопленных в сфере когнитивной лингвистики.

Выводы. На основании проведенных исследований можно сформулировать следующие выводы.

1. Значительный вклад в систематизацию различных направлений исследования метафоры был осуществлен представителями *Уральской школы политической метафорологии* (А. Чудиновым, Э. Будаевым и др.). Помимо этого, достаточно подробный анализ *американской традиции* изучения метафор содержится в работах Т. Скребцовой, которую, пользуясь аппаратом Э. Будаева и А. Чудинова, условно можно отнести к *Восточноевропейскому* центру изучения политической метафорологии.

2. Говоря о влиянии теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона на постсоветских авторов, можно условно выделить два направления. Первое направление связано с особым интересом к *когнитивной лингвистике* как динамично развивающемуся направлению. Большой корпус текстов постсоветских авторов посвящен рассмотрению становления когнитивной лингвистики как в западной традиции, так и в отечественной. Второе направление сформировалось под влиянием идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона по поводу политических метафор (политическая метафорология).

3. А. Чудиновым и Э. Будаевым были зафиксированы мировые центры изучения политической метафорологии: *Североамериканский, Восточноевропейский (или постсоветский), Европейский*.

Для Североамериканского объединения характерен интерес к политическим метафорам внутри институционального дискурса, при этом важную роль играют тексты известных политических лидеров. Восточноевропейское объединение сосредоточено на применении *дескриптивных методик* анализа метафор, а не на использовании критического анализа. В отличие от Североамериканского направления акцент делается не на изучении институционального поля политического дискурса, а на анализе его медийной составляющей. Характерно сопоставительное изучение метафор и стремление к выявлению семантических и когнитивных сфер-источников метафорической экспансии. Европейское объединение во многом объединяет черты двух обозначенных уже направлений с учетом акцента на изучении особенностей проявления и функционирования метафор в рамках различных национальных дискурсов и сосредоточении на анализе специфики сфер – мишеней метафорической экспансии.

Литература

1. Боярская М. Проблемы многозначности и методы ее определения в современном английском языке / М. Боярская // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Т. 7. – 2015. – № 1. – С. 17–23.
2. Будаев Э., Чудинов А. Метафора в политическом интердискурсе: [монография] / Э. Будаев, А. Чудинов. – Екатеринбург: Урал гос. пед. ун-т., 2006. – 215 с.
3. Будаев Э. Метафора в политической коммуникации: [монография] / Э. Будаев, А. Чудинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litread.in/pages/465964/494000-495000?page=1>.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Скребцова Т. Американская школа когнитивной лингвистики / Т. Скребцова. – СПб., 2000. – 202 с.
6. Чудинов А. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000 гг.) / А. Чудинов. – Екатеринбург: Урал гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.
7. Чудинов А. Принципы Уральской школы политической метафорологии / А. Чудинов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 1(23). – С. 66–72.

Аннотация

Московская Е. А. Постсоветская рефлексия когнитивной модели метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона на примере Уральской школы политической метафорологии. – Статья.

В статье проанализированы рефлексии постсоветских авторов по поводу когнитивной модели метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Отмечено, что подробная систематизация существующих направлений в изучении метафоры была предложена представителями *Уральской школы политической метафорологии* (Э. Будаевым, А. Чудиновым и др.). Зафиксировано два наиболее активно развивающихся направления в изучении метафор на постсоветском пространстве: а) анализ метафор в рамках когнитивной лингвистики; б) политическая метафорология. Проанализированы особенности изучения метафор в американской традиции на основе исследований Т. Скребцовой.

Охарактеризованы мировые центры изучения политической метафорологии: *Североамериканский*, *Восточноевропейский* (или *постсоветский*), *Европейский*.

Для *Североамериканского* объединения характерен интерес к политическим метафорам внутри институционального дискурса, при этом важную роль играют тексты известных политических лидеров. *Восточноевропейское* объединение сосредоточено на применении *дескриптивных методик* анализа метафор, акцент делается на анализе медийной составляющей политического дискурса. *Европейское* объединение акцентирует внимание на изучении особенностей проявления и функционирования метафор в рамках различных национальных дискурсов и сосредоточении на анализе специфики сфер – мишеней метафорической экспансии.

Ключевые слова: метафора, когнитивная лингвистика, политическая метафорология, Уральская школа политической метафорологии, Североамериканский, Восточноевропейский (постсоветский), Европейский центры политической метафорологии.

Анотація

Москова К. О. Пострадянська рефлексія когнитивної моделі метафори Дж. Лакоффа та М. Джонсона на прикладі Уральської школи політичної метафорології. – Стаття.

У статті проаналізовано рефлексії пострадянських авторів щодо когнитивної моделі метафори Дж. Лакоффа і М. Джонсона. Зазначено, що детальна систематизація наявних напрямів у вивченні метафори була запропонована представниками *Уральської школи політичної метафорології* (Е. Будаєвим, А. Чудіновим та інш.). Зафіксовано два напрями у вивченні метафор, що активно розвиваються на пострадянському просторі: а) аналіз метафор у межах когнитивної лінгвістики; б) політична метафорологія. Проаналізовано особливості вивчення метафор в американській традиції на основі досліджень Т. Скребцової.

Дана характеристика світових центрів вивчення політичної метафорології: *Північноамериканського*, *Східноєвропейського* (або *пострадянського*) та *Європейського*.

Для *Північноамериканського* об'єднання характерний прояв інтересу до політичних метафор всередині інституційного дискурсу, водночас важливу роль відіграють тексти відомих політичних лідерів. *Східноєвропейське* об'єднання зосереджене на застосуванні *дескриптивних методик* аналізу метафор, акцент робиться на аналізі медійного компонента політичного дискурсу. *Європейське* об'єднання акцентує увагу на вивченні особливостей проявів і функціонування метафор у межах різноманітних національних дискурсів, а також зосереджується на аналізі специфіки сфер – мішеней метафоричної експансії.

Ключові слова: метафора, когнитивна лінгвістика, політична метафорологія, Уральська школа політичної метафорології, Північноамериканський, Східноєвропейський (пострадянський), Європейський центри політичної метафорології.

Summary

Moskova K. O. Post-Soviet reflection on the J. Lakoff and M. Johnson's cognitive model of the metaphor on the example of the Ural school of political metaphorology. – Article.

The article analyzes post-Soviet authors' reflections on the cognitive model of the metaphor of J. Lakoff and M. Johnson. It is noted that the detailed systematization of existing trends in the study of metaphor was suggested by representatives of the Ural school of political metaphorology (E. Budaev, A. Chudinov and others). Two most actively developing trends in the study of metaphors in the post-Soviet space were recorded: a) analysis of metaphors in the framework of cognitive linguistics; b) political metaphorology. Peculiarities of the study of metaphors in the American tradition are analyzed on the basis of the researches of T. Skrebtsova. World centers for the study of political metaphorology are described: North American, East European (or post-Soviet), European.

The North American association is characterized by interest in political metaphors within the institutional discourse, while the texts of prominent political leaders play an important role. Eastern European association is focused on the application of descriptive methods for analyzing metaphors, the emphasis is on analyzing the media component of political discourse. The European association focuses on studying the features of the manifestation and functioning of metaphors within the framework of various national discourses and concentrating on the analysis of the specifics of target spheres of metaphorical expansion.

Key words: metaphor, cognitive linguistics, political metaphorology, Ural school of political metaphorology, North American, Eastern European, European centers of political metaphorology.